МИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Вторник.

Ты следующая

Varpunen

Вторник. Ты следующая

«Автор»
2026

Varpunen

Вторник. Ты следующая / Varpunen — «Автор», 2026

По вторникам в 03:17 в старом почтовом ящике появляются письма. Каждое написано от имени человека, которому предстоит умереть через семь дней.После смерти матери Вера Соколова возвращается в Староречье — город, где двадцать лет назад паводок унёс жизни шестерых детей, а её младшая сестра бесследно исчезла. Первое письмо предупреждает о гибели бывшей воспитательницы лагеря. Вера ищет разумное объяснение, но предсказание сбывается.Следующие письма ведут к старому шлюзу и людям, которые слишком долго молчали. Чем ближе Вера к правде, тем опаснее становится расследование. А однажды на конверте появляется её собственное имя.Можно ли изменить предсказанное будущее — и какую правду придётся узнать, чтобы остаться в живых?

© Varpunen, 2026
© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПЕРВОЕ ПИСЬМО 5
Глава 1. Дом на Пристанской 5
Глава 2. Чужой почерк 9
Глава 3. Живая покойница 12
Глава 4. Семеро 15
Глава 5. Пустой бассейн 18
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Varpunen
Вторник. Ты следующая

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПЕРВОЕ ПИСЬМО

Глава 1. Дом на Пристанской

В Староречье говорили, что дождь начинается с реки. Когда Вера сошла с автобуса на Пристанской, над водой висела белёсая полоса тумана. Река казалась выше, чем была на самом деле: она умела притворяться спокойной даже после сильного ливня.

На остановке пахло нагретым железом и дешёвым кофе из автомата. Пока Вера разбиралась с колёсиками чемодана, автобус уже ушёл, оставив её возле павильона с облезлой рекламой строительной компании. На рекламном щите обещали набережную, детские площадки и новую жизнь. Только фон у изображения почему-то был не староречeнский: слишком яркое небо, слишком ровные дома, слишком синяя вода.

Она не была здесь двадцать лет. Формально — девятнадцать лет и одиннадцать месяцев, если считать единственный приезд на похороны отца. С тех пор Вера научилась округлять. Некоторые числа становились терпимее, если лишить их точности.

Матери не стало в пятницу, второго октября. Соседка позвонила, когда Вера готовила ужин и смотрела, как в маленьком окне кухни отражается её собственное уставшее лицо. «Марина Андреевна не открывает», — сказала соседка. Потом в трубке зашуршало, кто-то велел отойти от двери, и Вера услышала звук, который потом вспоминала чаще всех слов: короткий металлический удар. Вскрывали замок.

Похороны прошли утром. Вера стояла у могилы с букетом белых хризантем, не запомнила ни лица священника, ни слов, ни того, кто пожал ей руку. Только то, что на воротнике матери в последний раз не было привычной булавки с янтарём. При жизни она прикалывала её даже к домашнему свитеру.

Теперь Вера шла по Пристанской, держась подальше от края тротуара, где машины поднимали мутные брызги. У старого магазина вместо вывески «Хлеб» висела «Пекарня № 4», но из дверей пахло теми же корочками. Возле школы поставили турникет, а спортивная площадка, на которой когда-то сидел Кирилл, стала парковкой.

Дом № 17 стоял почти у самого спуска к реке. Он был невысокий, обшитый потемневшими досками. На воротах висел жестяной почтовый ящик с выдавленной семнадцаткой, и сквозь краску проступала ржавчина. Вера помнила ящик с детства: мать хранила в нём мелочь для молочника, а Лиза однажды спрятала резиновую лягушку, чтобы напугать почтальона. Лягушку тогда нашли только зимой.

Нина Павловна встретила её у калитки, держа в руках садовые перчатки. Она успела поставить на плиту суп и оставить ключ под банкой на веранде — забота, которую не надо было ни просить, ни объяснять. Узнав, что Вера намерена задержаться ненадолго, соседка не стала спорить. Лишь посмотрела на закрытые окна дома и попросила позвонить, если ночью станет тяжело. Вера поблагодарила её, с удивлением заметив, как трудно даётся такое простое слово.

«Ненадолго» прозвучало привычно. В Москве Вера так же отвечала матери на просьбы приехать и на звонки, которые собиралась принять позже. Она считала, что короткое сообщение успокаивает близкого человека. Только теперь ей предстояло жить с сомнением, успокаивало ли оно мать хоть раз.

— Не гони себя, Верочка, — сказала Нина Павловна на прощание. — Дом постоит. Это не квартира, которую завтра заберут.

Внутри пахло яблоками, пылью и травяными настойками. Вера поставила чемодан в коридоре. На крючке висело мамино пальто. У зеркала стояли её резиновые сапоги. На полке лежали очки в мягком чехле, рядом — карандаш, заточенный ножом. Казалось, хозяйка только что вышла за хлебом и вот-вот вернётся, недовольная, что в доме открыли окна.

В гостиной сохранился стол из тёмного дерева. На нём лежали нераскрытые книги, несколько конвертов и толстая зелёная тетрадь. Вера раскрыла её. Первые страницы были исписаны знакомым почерком: даты, фамилии, пометки «проверить», «уточнить у Руднева», «Коваль не решается». Ни одного законченного предложения.

На подоконнике лежала раскрытая записная книжка с листком, вложенным поперёк страниц. Вверху мать поставила дату, ниже выписала названия учреждений и телефоны. Возле одной фамилии было написано: «Не путать надежду с доказательством». Вера провела пальцем по словам, и ей стало не по себе от их сдержанности. Когда она уезжала, ей казалось, что мать живёт одним безнадёжным убеждением; теперь перед ней были аккуратные вопросы человека, который старался не ошибиться. Она не могла вернуть им утраченное время и не знала, хочет ли продолжать поиск. Но уже не могла назвать его безумием.

В дорожной сумке лежал прежний московский блокнот: планы несостоявшихся статей, вычеркнутые фамилии, телефон Серова, чья репутация пострадала после её поспешной публикации. Тогда Вера доверилась анонимным документам, не проверив их происхождение. Теперь, у материнского стола, ей хотелось прежде всего ничего не утверждать без доказательств.

Мать всегда вела тетради. Списки покупок превращались у неё в маленькие хроники: «Огурцы. Поздравить Нину. Вера обещала позвонить». Вера невольно улыбнулась, но улыбка тут же распалась.

На последней исписанной странице стояло одно слово, обведённое дважды: «Шлюз». Под ним: «Не верь времени в отчёте».

В ящике письменного стола лежала тонкая синяя папка, на которой мать аккуратно вывела: «Не путать то, что знаешь, с тем, чего боишься». Внутри оказались не сенсационные признания, а квитанция за копирование, адрес старого лагеря, билет на автобус в районный архив и список из семи детских имён. Напротив каждого было не «погиб» или «пропал», а возраст и маленькая подробность: любимый цвет, имя собаки, рисунок на празднике. Марина собирала не только материалы дела. Она не позволяла детям превратиться в сводку о паводке.

На одной из страниц синей папки мать оставила место для даты, а рядом аккуратно написала: «Позвонить Вере, когда появится подтверждение». Вера задержала взгляд на пустой клетке. Она представляла, что матери нужно было доказать правоту перед городом. Возможно, прежде всего та хотела позвонить дочери с известием, которого они обе боялись ждать.

Мать двадцать лет возвращалась к одному вопросу: кто открыл шлюз раньше времени? Вера называла эти поиски невозможностью смириться, иногда даже жестокостью к живым. Однажды она сказала: «Лизу это не вернёт». Мать не ответила. Теперь, среди аккуратно подписанных папок, Вера впервые допустила, что поиски были для неё не заменой жизни, а последним способом оставаться матерью двух дочерей.

Она поднялась на второй этаж. Детская была закрыта, как и прежде. Вера знала, что за дверью: две кровати, рисунок на стене, полка с книгами. В шестнадцать она просила снять оттуда вещи Лизы. Мать ответила: «А когда она придёт, куда ей будет вернуться?»

Коснувшись ручки, Вера отняла руку. Это было не то помещение, в которое можно войти между разбором документов и ужином.

Днём Вера решилась пройти к реке. На Пристанской никто не спешил, и это действовало на нервы: в Москве она привыкла измерять чужую занятость количеством людей у турникетов.

Здесь женщина долго разглядывала помидоры у овощного ларька, подросток чинил цепь велосипеда посреди тротуара, старик в кепке смотрел на воду так, словно ждал от неё новостей.

На спуске к набережной сохранилась низкая каменная стена. Вера знала на ощупь каждую выщербленную плиту: в детстве они с Лизой ходили здесь на цыпочках, представляя, будто под ногами пропасть. Отец, заметив их игру, требовал держаться за перила. Лиза всегда возражала, что перила мешают летать. Они спорили, потом отец делал вид, что сам падает, и обе девочки визжали от восторга.

На перилах теперь висела табличка: «Восстановлено при поддержке управления городской инфраструктуры». Рядом в углу — едва заметная фамилия Белова. Вера провела по ней пальцем и почувствовала неровность металла. После паводка имя этого человека было везде: на мосту, на школе, на новом медицинском пункте. Мать никогда не спорила, что он действительно помогал восстановлению. Она только спрашивала, где он был в первые двадцать минут катастрофы.

В киоске Вера купила новый блокнот в клетку, с крепкой пружиной, — не вместо рабочего, а для этого дома, где вопросы ещё не складывались в расследование. Она записала: «Счётчики. Нотариус. Ключ от верхнего шкафа». Ниже появилась строка, не похожая на хозяйственное поручение: «Почему мама продолжала ждать Лизу?»

У киоска её окликнула женщина, которую Вера сначала не узнала. Тамара Глебовна преподавала в школе литературу и теперь заведовала местным краеведческим кружком. Она была в толстом платке, с сумкой, полной газет.

Тамара Глебовна узнала Веру по выражению лица, которое напоминало ей покойного отца. Учительница рассказала о последних занятиях краеведческого кружка: Марина почти перестала интересоваться фотографиями города, зато переписывала из старых планов фамилии тех, кто отвечал за плотину и лагерь. Тамара тревожилась, что эта работа отнимала у Марины последние силы. Вера попыталась снять с неё ответственность и неожиданно услышала собственную интонацию — ту, которой всю жизнь отказывала в прощении себе. Учительница не стала утешать её общими словами. Она только заметила, что человек может отвечать за свой поступок, но не за всю чужую жизнь. Мысль показалась Вере чересчур простой, чтобы быть правдой; именно поэтому она запомнила её.

Вера не нашла ответа. Она вернулась домой по другой улице, избегая вида на лагерь. К вечеру над городом снова заволокло небо. На кухонном столе лежала зелёная тетрадь, и теперь она казалась не доказательством материнской одержимости, а продолжением разговора, который они не успели закончить.

Вечером она съела несколько ложек супа. Потом нашла свидетельство о смерти, договор на похоронные услуги, квитанции и записку соседки: «Я рядом». Никаких указаний о доме. Никакого завещания на видном месте. Вера привыкла, что любую проблему можно сделать набором задач. Сейчас задачи не складывались в порядок: снять показания счётчиков, найти нотариуса, позвонить на работу, разобрать бумаги. Между ними зияла пустота, которую нельзя было записать в ежедневник.

Ближе к полуночи она выключила свет и легла на диван в гостиной. Часы на кухне остановились. Вера постучала по стеклу, и стрелки дрогнули, но с места не сдвинулись: три семнадцать. Она вспомнила, что в детстве мать запрещала выбрасывать эти часы. Их подарил отец ещё до рождения Лизы.

Вера спала неглубоко. За стеной скрипели доски, шёл дождь. Ей снилась лестница в темноту, а внизу кто-то звал её по имени, не повышая голоса. Проснулась она от тонкого металлического щелчка, такого ясного, будто кто-то захлопнул крышку жестяной коробки под самым окном.

Комната была почти чёрной. На экране телефона светилось 03:17. За стеклом не двигалось ничего, кроме ветки старой яблони.

Она включила свет во дворе. Под навесом блеснул почтовый ящик. Калитка была закрыта, дорожка пуста. «Кошка», — сказала Вера вслух, словно голос мог сделать дом своим.

Утром она вышла за газетой, хотя газету им никто уже не приносил. Влажные доски крыльца холодили ступни через домашние тапочки. Вера взяла связку ключей, нашла маленький латунный ключик с потускневшим кольцом и подошла к ящику.

Ночью он был пуст, она это помнила: когда открывала ворота, машинально подняла крышку, увидела сухое железное дно и засмеялась собственной привычке. Теперь внутри лежал конверт.

Неровный, плотный, с мокрым по краям уголком, но без марки и штемпеля.

На нём аккуратно, почти школьным почерком было выведено: «Лидии Коваль. Передать до вторника».

Вера оглянулась на улицу. За забором пробежала собака. Где-то хлопнула дверь машины. Староречье просыпалось обычным утром, и это почему-то пугало сильнее, чем пустой двор ночью.

Она подняла конверт двумя пальцами. Бумага оказалась тёплой, хотя в ящике должно было быть холодно.

На обратной стороне стояла дата: 13 октября.

Сегодня было шестое.

Глава 2. Чужой почерк

Вера положила конверт на кухонный стол и несколько минут не прикасалась к нему. Она умела работать с подозрительными находками: много лет назад ей приходилось вынимать из почтового ящика материалы, которые информаторы боялись прислать электронно. В таких случаях следовало сфотографировать предмет, зафиксировать время, не уничтожить возможные следы. Смешно было вспоминать об этом в материнском доме, когда за стеной капал кран.

Она всё-таки сделала снимок. Потом взяла нож для фруктов и осторожно вскрыла верхний край. В конверте лежал один лист, сложенный вчетверо.

«Я не хотела идти. Я знала, что он ждёт меня там, где мы когда-то учили детей плавать. Вода была холодной, хотя бассейн давно пуст. Я упала, ударилась о край. Он сказал, что всё это закончится, если я наконец замолчу. Теперь я понимаю, почему Марина не переставала спрашивать. Шлюз открыли раньше. Я должна была сказать тогда».

Ни обращения, ни даты. Внизу — подпись: «Л. Коваль».

Почерк был крупный, слегка наклонённый вправо. Женщина явно писала торопливо, но не дрожащей рукой. Вера прочитала текст дважды, затем увидела на нижнем поле тонкую приписку, будто сделанную позже: «13 октября. Вторник».

Первая реакция была раздражением. Кто-то решил использовать чужую смерть и давнюю семейную историю для издевательства. Она вспомнила недавнее расследование, которое стоило ей работы: анонимная папка, убедительные фотографии, поддельные отчёты. Тогда Вера поверила прежде, чем проверила. Незнакомый мужчина потерял репутацию, а она — право считать себя хорошим журналистом. Теперь бумага на столе не вызывала доверия только потому, что выглядела старой.

Она нашла телефон Лидии Коваль через городской справочник. Но звонить сразу не стала. Вместо этого открыла зелёную тетрадь матери. На странице с фамилией Коваль был указан адрес: Пионерская, 8. Рядом значилось: «Воспитательница. Согласна говорить? Боится за сына». Вера перелистала дальше и нашла старую открытку с поздравлением: «Дорогая Мариночка, со светлым праздником! Лидия». Подпись была такой же.

Сходство можно было объяснить: открытку из материнского дома кто-то мог взять за образец. Наклон букв и характерная петля в «д» действительно напоминали подпись Лидии, но Вера не имела права объявлять почерки одинаковыми. Она положила лист в прозрачный файл и записала, что для сравнения понадобятся другие образцы.

У листа оказалась странная поверхность. Вера заметила её лишь на косом свете: там, где автор сильнее нажимал на ручку, бумага была продавлена, как бывает с последней страницей толстого блокнота. Ни старой бумаги, ни следов умелой подделки на глаз определить она не могла. Она сняла лист у окна при дневном свете и сохранила не только снимок, но и фотографию оборота, где вмятины складывались в неразборчивые короткие черты. Если история окажется мистификацией, мелочи помогут восстановить её изготовление. Если нет, они хотя бы не исчезнут вместе с воспоминанием.

У фотографии письма был свой смысл, отличный от самой бумаги. Она могла подтвердить, как выглядел текст утром шестого октября, но не доказывала, что строки описывают будущее. Вера записала время снимка, место находки и людей, которым успела рассказать о конверте. Потом нарисовала на листке четыре колонки: «видела», «слышала», «предполагаю», «не знаю». В последней оказалось больше всего записей. Привычное желание немедленно найти объяснение раздражало её — и именно поэтому она оставила эту колонку открытой.

Она проверила, какие объяснения можно было испытать немедленно. Подделанный почерк — да. Человек у ящика — возможно. Настоящее знание будущего — пока никак. На

бумаге не появилось нового ответа; зато исчезло чувство, будто она обязана выбрать его прямо сейчас.

В прихожей мерно шли другие, настенные часы. Кухонные по-прежнему остановились на 03:17, словно в доме существовали два времени: одно, в котором люди ходили за хлебом и отвечали на звонки, и другое, застрявшее на минуте ночного щелчка. Вера записала время находки конверта и закрыла блокнот. В этой записи не было ничего мистического. Именно поэтому она её сделала.

В дверь постучали.

Нина Павловна заглянула с яблоками, заметив свет на кухне ночью. О металлическом щелчке она отозвалась без удивления: ветка яблони годами ударялась о железную крышку, и улица привыкла к этому звуку. Увидев материнские записи, соседка помрачнела. Она помнила настойчивые походы Марины по архивам и раздражение людей, которые считали историю паводка законченной. Лидия Коваль, по её словам, была жива, болела и почти никуда не выходила. Вера не рассказала про письмо. Нина ушла, так и не поняв, почему её обычные слова напугали гостью.

Вера набрала номер Лидии. Женщина откликнулась на имя Марины с неподдельной грустью, но просьба поговорить о лагере изменила её голос. Она назвала дело закрытым, спросила, откуда Вера взяла письмо с её подписью, а услышав дату будущего вторника, оборвала разговор. Последними словами было короткое и испуганное: «Вы не знаете, о чём говорите». Вера смотрела на погасший экран. Испуг живого человека был первым фактом, который нельзя было объяснить одной только бумагой.

Она вышла во двор, осмотрела ящик с обеих сторон. В крышке была узкая щель для писем, достаточно широкая, чтобы просунуть конверт. На улице стояли новые камеры магазина напротив, но до ворот они, вероятно, не доставали. Она сфотографировала царапины на железе. Ничего особенного. Обрывок паутины возле петли, капля воды.

На улице мальчик на велосипеде пересказал ей местную историю о голосах, которые вода будто бы возвращала людям через годы. В других обстоятельствах Вера улыбнулась бы выдумке. Сейчас она лишь отметила, что загадка письма слишком хорошо ложится на привычные старореченские суеверия. Любая история становится убедительнее, если город давно готов в неё поверить. Но это ещё не делает её правдой.

В книжной лавке на Рыночной продавец вспомнил Марину по толстой бумаге для заметок и по странной просьбе однажды передать пакет на Пионерскую. Потом он рассказал, что Лидия недавно покупала тетрадь: хотела записать то, чего больше нельзя держать в памяти. Вера записала оба эпизода. Совпадение со словом «почта» её насторожило, но она не стала превращать его в ключ к загадке. Старые города разговаривают одними словами; иногда это просто слова.

Вера оставила номер и попросила позвонить, если кто-то станет расспрашивать о ней или матери. Потом вышла на площадь. На фасаде дома культуры висел афишный плакат о Дне памяти жертв наводнения. Каждый октябрь город проводил траурный вечер, где выступали чиновники и звучали одни и те же слова. Вера тогда была уже в другом городе и ни разу не приезжала.

В стекле витрины отразилось её лицо. Она попробовала представить, как выглядела бы жизнь, если бы Лиза вернулась тем же вечером: маленькая, испуганная, промокшая, возможно с простудой, но живая. Они бы ссорились из-за комнаты, делили косметику, вместе смеялись над мамиными строгими замечаниями. Вера, вероятно, не стала бы журналистом: ей больше нравилось рисовать, а не разбирать чужие документы. Была бы другая жизнь, не лучше и не хуже, просто обычная.

Этот образ оказался таким ярким, что ей пришлось остановиться и несколько раз глубоко вдохнуть. Вера не собиралась исследовать мистические силы. Она хотела, чтобы чужая страш-

ная шутка не стала ещё одной причиной для матери, умершей несколько дней назад, выглядеть смешной в глазах города. Но чем дольше она думала, тем сильнее ощущала: письмо выбрало не только Лидию Коваль. Оно заставило и её вернуться к тому, от чего она убегала.

В городском архиве Вера познакомилась с Соней, молодой сотрудницей, которая хорошо помнила визиты Марины. Вместо готового объяснения Соня предложила опись материалов: официальные отчёты, списки погибших, фрагменты регистрационных журналов. Часть документов можно было выдать сразу, часть следовало запросить. Вера долго смотрела на перечень — у каждого названия стоял номер, год и отметка о хранении. Мать просила не делать выводов прежде, чем будут проверены даты и происхождение каждого листа.

Соня распечатала список доступных дел. Папка о лагере занимала двенадцать страниц: перечень погибших, официальный отчёт, несколько фотографий разрушенного берега. Вера не стала читать имена детей. Она знала их наизусть, хотя много лет притворялась, что забыла.

По дороге домой Лидия перезвонила сама. Согласилась принять Веру на следующий день и попросила не приходить с полицией. Отказ назвать причину прозвучал ещё тревожнее, чем прежняя резкость. Вера не дала обещания, которого не собиралась сдержать; она лишь сказала, что придёт и выслушает. После звонка стрелки кухонных часов оставались на 03:17, сколько бы она ни меняла батарейку.

Вера свернула к дому, ощущая вес телефона в ладони. У неё оставалось семь дней до даты в письме. Это было достаточно много для обычной встречи и пугающе мало для чужой жизни.

Глава 3. Живая покойница

Дом Лидии Коваль стоял в конце Пионерской, за деревянной церковью и пустой площадкой, где когда-то проводили сельскохозяйственные ярмарки. Забор покосился к улице, но ворота были покрашены недавно. На калитке висел звонок в пластмассовом корпусе. Вера нажала один раз и услышала, как за дверью кто-то осторожно передвигает стул.

Лидия впустила её не сразу. Прежде чем открыть дверь, несколько раз посмотрела в щель между занавесками. В кухне пахло чаем и чистым полом; на окне цвела герань. Женщина поправила скатерть, хотя та лежала ровно, и поставила перед Верой чашку, к которой сама не притронулась. Вера заметила, как хозяйка бережёт порядок, словно порядок может защитить от неизвестного человека.

Вера не стала торопить её. На стене висела фотография молодого мужчины с ребёнком. Под фотографией лежал телефон, экран которого каждые несколько минут загорался из-за уведомлений. Лидия переворачивала его лицом вниз.

Вера достала конверт, заранее вложенный в прозрачный файл. Лидия сначала отодвинула руки, потом поднесла лист почти к лицу. Губы у неё шевелились. Дойдя до слов «Он сказал, что всё это закончится», она побледнела.

Когда Вера произнесла слово «шлюз», Лидия уже не смогла притворяться, что речь идёт о старых слухах. Она вспомнила пустой бассейн, голубую плитку, детские ступни на холодной решётке; Лиза ходила по краю, представляя, будто ступает над пропастью. В ту ночь воспитатели услышали воду раньше, чем сирену, потому что сирены, как выяснилось, вообще не было. Выводя детей к ограде, Лидия не знала, кто отвечает за сброс. Однако позже ей велели подписать объяснение о повреждённой линии оповещения. Она подписала, хотя знала, что это неправда. Вера впервые услышала о давнем преступлении не как о версии матери, а как о чужом поступке, который женщина помнила двадцать лет.

— Здесь назван следующий вторник, Вера. Я не знаю, что случится в следующий вторник. Никто не знает.

Она отложила бумагу и внезапно рассердилась.

Лидия долго смотрела в окно. Там у крыльца стоял пустой пластиковый горшок, который ветер пытался перевернуть.

Вера почувствовала неожиданную острую нежность — к ребёнку, которого не видела двадцать лет, и одновременно к той себе, что не умела этого ребёнка беречь.

Лидия подняла глаза. В них был не страх перед Верой, а страх перед ответом.

— Мы все что-то знаем, — сказала Лидия. — Вот в этом и беда.

Вера вынула телефон и показала фотографию маминой тетради. На странице напротив фамилии Коваль стояло: «Может подтвердить звонок в 21:12». Лидия резко придвинула телефон к себе.

Когда разговор коснулся сына, Лидия повела рукой по столу, собирая невидимые крошки. Андрей звонил почти каждый день, иногда по два раза. После её операции он требовал, чтобы она сообщала, куда идёт и с кем встречается. Вера увидела в этом заботу, ставшую тесной, но Лидия вдруг объяснила, что боится не сына. Она боится причинить ему то, что сама причинила чужим семьям: оставить наследство из стыда, разоблачений и непроизнесённых слов. Андрей недавно собирался перевезти мать в областной центр. Лидия соглашалась, а потом отменяла переезд — ей всё казалось, что прежде нужно закончить одно старое дело.

На холодильнике висел рисунок внучки: девочка в зелёном платье держалась за руки с двумя взрослыми. На обороте неровным почерком значилось «Бабушке, чтобы не грустила». Лидия не прятала рисунок от гостей, но на вопрос о нём отвечала слишком быстро. Вера впер-

вые увидела, как давний поступок доходит до следующего поколения, даже если о нём никому ничего не сказано.

Служебный автомобиль остановился у ворот. Лидия узнала эмблему прежде, чем успела разглядеть водителя, и попросила Веру выйти через сад. Она не скрывала больше страх за сына и внучку: из-за её показаний двадцатилетней давности семья могла оказаться в центре дела, о котором никогда не просила. Вера предложила помощь следователя, но Лидия боялась и полиции, и собственной решимости. Она обещала принести документы в понедельник и не захотела назвать человека, с которым собиралась увидеться.

— Люди, которым всегда есть дело до старых женщин, — ответила Лидия и вдруг заплакала. Не громко, без рыданий, только быстро и стыдливо вытерла щёки ладонями. — Я думала, если столько лет молчать, оно само кончится. А оно не кончается.

Лидия прятала телефон так настойчиво, что Вера успела увидеть экран: «Заберите своё подписанное показание. Приходите к бассейну. Без посторонних». Номер отправителя не определился. Для Веры сообщение было угрозой, для Лидии — обещанием вернуть бумагу, на которой она когда-то собственноручно закрепила ложь. Разница между этими двумя прочтениями была опаснее любого спора.

Вера предложила другой путь: передать телефон Кириллу добровольно, сначала поговорить с сыном, не идти ни на какую встречу. Лидия слушала, перебирая пальцами край скатерти. Она хотела избавиться не от угрозы, а от документа, в котором когда-то изложила чужую ложь собственным почерком. Вера вдруг увидела, почему разумные доводы не действуют: Лидии казалось, что, уничтожив подписанную бумагу, она отменит само событие, в котором промолчала.

Лидия достала из буфета старую фотографию своего лагерного отряда. На обороте шли детские подписи, разной величины, с ошибками и сердечками. Она осторожно провела пальцем по имени мальчика, который не вернулся после паводка. Вера увидела, что женщина боится не только разоблачения. Её мучило другое: некоторые дети в памяти навсегда оставались там, где она когда-то обещала их защитить.

Она вытерла лицо салфеткой и попросила Веру убрать письмо.

Вера хотела настоять, но поняла по выражению лица: если сейчас давить, женщина замолчит совсем. Она попросила разрешения позвонить завтра и записала свой номер на листочке, хотя Лидия уже имела его в телефоне. Ритуалы иногда помогают людям говорить «да».

Вера вышла через заднюю дверь, как её попросили. За садом шла тропинка к заросшему ручью. Она прошла вдоль забора и повернула к улице. Белая машина всё ещё стояла у ворот. Водитель опустил солнцезащитный козырёк и разговаривал по телефону. Лица Вера не рассмотрела.

Вера не сразу ушла из Пионерской. На углу стояла булочная с узким окном, за которым двое мужчин спорили о новом водопроводе. Она купила воду, села на скамейку и нарисовала в блокноте маленькую схему: дом Лидии, ворота, место, где стоял белый автомобиль, тропинку к ручью. Затем записала время разговора. Всё это казалось чрезмерным для визита к пожилой знакомой, но именно отсутствия точных записей она когда-то стыдилась сильнее всего.

За столиком рядом расположилась молодая женщина с ребёнком. Мальчик лет пяти потребовал хлеб с маком и никак не мог объяснить, почему не хочет с изюмом. Мать сначала сердилась, потом засмеялась и выбрала ему оба. Вера отвернулась. Такие маленькие сцены семейной жизни словно оскорбляли её долгое убеждение, что любовь неизбежно заканчивается потерей.

Она попыталась представить Лидию не свидетельницей преступления, а обычной женщиной. У неё сын, внучка, больные ноги, чашки на кухне, вымытый пол. Зачем ей идти навстречу человеку, которого она боится? За деньги? Из-за угроз сыну? Из-за желания наконец очистить

совесть? Вера поняла, что знает о Лидии меньше, чем о любой героине своих прошлых публикаций.

Неподалёку припарковался почтовый фургон. Из него вышел мужчина с сумкой писем и начал обходить подъезды. Вера невольно последила за ним. Самая обычная работа: документы, счета, рекламные листки. Она захотела подойти и спросить, кто доставляет конверты без марки, но остановилась. Почтальон наверняка объяснил бы очевидное: любой человек может сунуть бумагу в чужой ящик. Вопрос не в том, как попасть внутрь; вопрос в том, откуда человек, написавший письмо, знал конец ещё не случившегося дня.

Она открыла переписку с матерью. Последнее настоящее сообщение от неё было три недели назад: «Нашла маленькую ошибку в большом деле. Позвоню, когда проверю». Вера ответила: «Мам, пожалуйста, не начинай опять». После этого они обменивались только короткими бытовыми фразами. Сообщение осталось без продолжения.

Вера набрала на экране: «Я видела Лидию. Она боится. Кажется, ты была права». Потом вспомнила, что отправить это уже некому, и удалила текст.

Она подумала о другом человеке, который знал её до Москвы, до расследований и до того вечера, когда всё пошло неправильно. Кирилл никогда не умел утешать. Зато он умел задавать вопросы, от которых нельзя было отмахнуться. Вера не говорила с ним много лет; возможно, он не захочет с ней встречаться. Но просить помощи иногда означает признать, что одна ты уже не справляешься.

Кирилл выслушал её до конца и первым делом спросил, сохранилось ли сообщение Лидии. Вера ответила, что сохранилось только то, что она успела записать сама: чужие телефоны и чужой страх нельзя было предъявлять как готовую улику.

Вспоминая белую машину у дома Лидии, Вера признала: ни лица водителя, ни номера целиком она не рассмотрела. Позднее она не станет уверять следователя, что видела самого Белова. Тогда, на Пионерской, она знала только одно: появление служебного автомобиля заставило Лидию проводить гостью через сад.

Кирилл предложил приехать вечером и спросил, что у Веры есть кроме предположений. Она почти обиделась. Но вспомнила историю Серова и ответила без привычного упрямства: пока мало. Именно поэтому она и обращалась за помощью.

Вечером она перечитала письмо Лидии. Теперь в каждом слове слышался её живой, усталый голос. «Я должна была сказать тогда». Вера положила бумагу в ящик письменного стола, закрыла его и всё равно продолжала видеть строчку.

За окном усиливался дождь. Дорога к старому лагерю медленно темнела между деревьями. Где-то далеко, за городом, один раз протяжно завыла сирена гидроузла — не тревога, обычная вечерняя проверка.

Лидия сказала, что сигнал тогда не сработал. Вера вспомнила, как стояла на берегу с мокрой рукой сестры в своей ладони и слышала только воду.

Она вдруг поняла, что помнит не весь тот вечер. Последнее воспоминание обрывалось на чьём-то крике: «Отойди от ограды!» А дальше — пустота, которую она столько лет считала доказательством собственной вины.

Глава 4. Семеро

Кирилл не стал спорить о природе письма. Он заметил только, что преступник, заранее выбравший место и способ убийства, тоже способен описать будущую смерть. Такая версия не объясняла всего, но хотя бы позволяла начать проверку.

Кирилл сфотографировал конверт, попросил не выбрасывать упаковку и сказал, что проверит сообщения об угрозах. Вера заметила, что он сознательно не употребляет слово «предсказание».

Они поехали к реке. На противоположном берегу в темноте горел ряд ламп гидроузла. Старую плотину строили ещё в семидесятых, затем укрепляли после паводка. Она выглядела как обычное промышленное сооружение, за исключением одного: для Веры каждый металлический пролёт был частью детского кошмара.

У реки Кирилл рассказал, что в ночь паводка был здесь вместе с отцом. В семнадцать лет его оставили ждать в машине; он слышал крики людей на мосту и много лет считал собственное бездействие постыдным. Вера спросила, был ли он обязан спасать всех. Кирилл не ответил, лишь заметил, что тот же вопрос стоит однажды задать себе самой. Домой они возвращались молча, не потому что беседа закончилась, а потому что каждый впервые услышал чужой страх.

Утром Вера вернулась в архив. Соня принесла ей копии фотографий, сделанных после катастрофы. На одной у забора лагеря стояли семь детских сапог, выстроенных в ряд для просушки. Вера узнала красную пару Лизы — маленькую, с белыми звёздами. Ей стало трудно дышать. Соня пододвинула стакан воды, не задавая вопросов.

Вера изучила документы. В официальном отчёте значилось: «Плановый сброс начат в 22:43; информирование нижнего участка осуществлено по установленной схеме». На соседнем листе была запись диспетчера о звонке с лагерного телефона в 21:12. Лагерь звонил из-за роста воды за полтора часа до официального начала сброса. Что-то не сходилось.

Соня разложила документы на широком столе для читателей. Один был отпечатан на бланке диспетчерской службы, другой — на форме районной комиссии. На первом стояли время 21:12 и отметка о звонке из лагеря; на втором упоминалось открытие затвора в 22:43. Третьей цифры пока не было, и Вера не стала дорисовывать её по памяти матери. Ошибка часов, неверная запись, позднее переписывание — каждая версия требовала своей проверки. Она запросила копии регистрационных страниц, чтобы можно было увидеть не только отдельную строку, но и соседние записи, сделанные до и после катастрофы.

На обратной стороне одного из листов остался след от канцелярской скрепки: небольшой коричневый прямоугольник, будто там много лет прикрепляли отсутствующее приложение. Соня не знала, каким оно было. Вера записала это отдельным пунктом. Иногда пустое место ничего не значит. Иногда оно и есть причина, по которой люди двадцать лет не могут договориться о времени.

Кирилл настоял, чтобы Вера не приписывала ему доступа ко всем материалам двадцатилетней давности. Сохранились копии, но их происхождение ещё проверяли; на старых сканах можно было прочесть цифру, но не увидеть, вписана ли она позже. Он обещал направить запросы по служебному порядку, не пользоваться фамилией отца как пропуском к чужим архивам. Эта осторожность злила Веру, пока она не вспомнила, как однажды сделала из чужой фамилии удобный заголовок и уже потом проверяла обстоятельства.

В кабинете архива Соня показала ей журнал учёта поступлений. За документами о паводке обращались и раньше: родственники детей, юристы, журналисты. Напротив фамилии матери стояли десятки дат. Вера задержалась на последней. Марина приходила сюда за несколько дней до смерти, когда ей уже трудно было подниматься по лестнице. Соня рассказала, что женщина долго сидела на подоконнике, прежде чем уйти. Просила не жалеть её и не

давать лишних обещаний. «Мне нужно только понять, кому позвонить», — сказала она тогда. Вере захотелось повернуть время хотя бы на одну такую лестницу назад.

После архива Вера не поехала сразу домой. Она попросила водителя такси остановить у старой школы, за которой начиналась дорожка к лагерному автобусному кольцу. Школьный двор заменили металлической площадкой, но один огромный тополь оставили: его корни разрывали асфальт, а в дупле до сих пор жили птицы.

Вера присела на край скамьи и вспомнила день, когда Лиза впервые приехала в лагерь. Маленькая девочка плакала от того, что её оставят без мамы. Вера, тогда пятнадцатилетняя, раздражённо говорила: «Ты уже большая, хватит». Потом, заметив мокрые глаза сестры, отдала ей любимый синий платок, хотя собиралась носить его сама.

В тот день мама ссорилась с отцом из-за того, что река поднялась слишком быстро. Отец говорил: «Лагерь на высоком участке, всё под контролем». Мать отвечала: «Мне не нравится, как гудит плотина». Эти слова могли быть настоящим воспоминанием или поздней конструкцией. Вера понимала, что легко приписывает людям предчувствия, когда знает, чем всё закончится.

Рядом с тополем стояла доска памяти шестерых детей. Фотографии были прикрыты стеклом. Вера боялась подходить к этой доске, хотя каждый раз, когда приезжала сюда мысленно, останавливалась именно перед ней. Под стеклом лица остались такими, какими были двадцать лет назад: весёлые, серьёзные, сонные на школьных снимках. На седьмом месте висела пустая рамка с надписью «Елизавета Соколова. Пропала без вести».

У памятной доски Вера встретила Тамару Глебовну. Учительница принесла ромашки и напомнила, как Марина настояла, чтобы Лизу не записывали погибшей без подтверждения. Пустая рамка не означала, что мать знала о спасении; она означала, что мать отказалась объявить неизвестное известным. Вера стояла перед шестью фотографиями детей и пыталась впервые думать о каждом отдельно, а не о катастрофе как о единой ране.

— Городской совет хотел поставить её имя рядом с погибшими. Чтобы закрыть вопрос. Твоя мать сказала: «У вас нет тела, и у вас нет права лишать её будущего». С ней не спорили. Тогда никто не представлял, что будущего будет так много.

Они помолчали. Вера не ожидала от бывшей учительницы такой осторожности. Ей казалось, все в городе делятся на сторонников матери и тех, кто считал её помешанной. На самом деле люди могли одновременно любить Марину, сочувствовать Вере и не знать, что было правильно.

Тамара поставила ромашки под пустой рамкой, не нарушая порядок букетов. Вера впервые сама прочитала все шесть имён подряд. Каждое было именем ребёнка, а не числом в отчёте. От этого точность времени — 21:12 или 22:43 — перестала быть сухим спором специалистов: за минутами стояли семьи, которым могли успеть позвонить.

Дома она открыла давно закрытую детскую. Дверь скрипнула, словно её давно никто не трогал, хотя мать наверняка заходила сюда почти каждый день. На стене сохранился рисунок: две девочки на мосту, а под ними голубая река. Старшая держала младшую за руку. Лиза нарисовала их с одинаковыми огромными глазами и подписала печатными буквами: «МЫ НЕ УПАДЕМ».

На кровати лежал плюшевый заяц. Вера подняла его, почувствовала под пальцами затвердевшую ткань ушка. Лиза постоянно жевала его, когда боялась грозы. Вера села на край кровати. Не заплакала, но долго смотрела на пустое место перед собой.

В детской Вера заметила, что на рисунке Лизы старшая девочка улыбается. Она никогда не вспоминала себя улыбающейся в тот день, хотя рисунок был сделан раньше катастрофы. Память сохранила последнюю минуту и присвоила себе всё детство. Это показалось ей первой несправедливостью, которую ещё можно исправить.

В памяти всплыл обрывок: Лиза в красных сапогах стоит на мокрой деревянной дорожке; Вера говорит ей не уходить далеко; кто-то взрослый зовёт их к столовой. А дальше — вода, шум, страшная темнота. Ей хотелось сложить эти кадры в доказательство, но она знала: память не обязана хранить события честно.

Вечером Кирилл проверил машину, стоявшую у дома Лидии. Она принадлежала городской службе, но была закреплена за несколькими подразделениями, и одного номера было недостаточно, чтобы назвать водителя. Разговор вновь привёл их к той ночи на плотине. Кирилл напомнил Вере, что оба тогда были детьми, а детская невозможность предотвратить чужое решение не равна вине. Вера возразила бы, если бы не вспомнила, как сама заставляла мать перестать искать. Простить себе этот поступок было труднее, чем ошибку пятнадцатилетней девочки.

После разговора она разложила два документа рядом. Звонок в 21:12, сброс в 22:43. Между ними — полтора часа, в течение которых кто-то должен был решить судьбу лагеря.

Вера взяла красный карандаш матери и провела между цифрами линию. Это было первое действие в расследовании, которое казалось ей по-настоящему своим, а не продолжением чужой навязчивой боли.

Глава 5. Пустой бассейн

К воскресенью, одиннадцатому октября, дождь прекратился, но город выглядел промокшим насквозь. Листья липли к колёсам машин; на ступенях у магазина скользили пенсионеры. Вера трижды звонила Лидии Коваль и каждый раз слышала одинаковое: «Абонент временно недоступен».

Лидия ответила лишь поздно вечером. Сказала, что в понедельник ещё раз поговорит с неизвестным, а во вторник отправится за обещанным документом. Вера вспомнила рисунок внучки на холодильнике Лидии и поняла: женщина боится не только за себя.

Лидия уточнила, что неизвестный обещал вернуть подлинный лист оповещения с её подписью. Ей хотелось предъявить не только собственное признание, но и документ. Вера предложила прийти вместе с Кириллом; Лидия отказалась, опасаясь, что тогда передача не состоится. После разговора Вера сообщила следователю всё, что узнала: желание Лидии сохранить тайну не отменяло опасности.

Вера предложила перенести встречу в людное место, при свидетелях, и зафиксировать передачу бумаги. Лидия не ответила. В паузе разговора слышалось, как работает телевизор и кто-то объявляет прогноз погоды. От обыденности этого звука Вере стало страшнее, чем от даты в письме. Она могла назвать десяток причин отказаться от встречи, но не могла заставить другого человека принять помощь, которую тот считал новой угрозой.

После разговора Вера долго не могла уснуть. На рассвете понедельника она отправила Кириллу фотографию письма и краткую запись разговора. В ответ пришло: «Буду на связи. Не ходи одна».

Она всё же поехала к Лидии. Дома никого не оказалось. На крыльце стояли уличные туфли, которые женщина надевала во время их первой встречи, а рядом — старая хозяйственная сумка. Странная деталь: выходя, Лидия не взяла сумку, без которой, по словам соседки, не ходила даже в аптеку.

Лидия обещала сыну, что в среду отправится к нему в область, и уже сложила в дорожную сумку аккуратно выглаженную кофту и лекарства. Соседка показала Вере открытую форточку: из комнаты шёл запах чистого белья. Женщина собиралась жить дальше, пока страх подталкивал её к опасной встрече. Вера не могла назвать это стремлением к смерти. Скорее Лидия надеялась избавиться от бумаги, после которой сможет спокойно сесть в поезд и увидеть внучку. В блокноте Вера отметила: «В среду у Лидии билет к сыну. Она рассчитывает вернуться».

Вера постучала к соседям. Женщина за соседней дверью сообщила, что Лидию утром забрал мужчина в тёмном пальто. Видела только спину. Машина стояла дальше по улице, за деревьями.

Вера поехала к лагерю, но осталась снаружи ограды. Она сфотографировала подъездную дорогу, закрытую калитку и свежую грязь у ворот — не для эффектного разоблачения, а потому, что позднее любая мелочь могла приобрести значение. Войти в корпус без разрешения она не пыталась.

Снаружи ещё можно было различить следы давнего лагеря: заросшие ступени, голубую плитку бывшего бассейна, деревянные таблички на стенах. Лидия когда-то учила здесь детей плавать, а теперь согласилась встретиться возле пустой чаши с человеком, которого боялась. Вера осматривала подходы, пытаясь представить, где можно было бы разговаривать безопасно. Кирилл уже проверял сведения о служебном транспорте и уговаривал Лидию отказаться от встречи без сопровождения. Но женщина полагала, что огласка сразу откроет сыну её старую ложь.

По дороге в управление Вера снова перечитала запись разговора с Лидией. Ей хотелось привести Кириллу готовое имя, но встречу организовали так, что и телефон, и маршрут остав-

ляли лишь косвенные следы. В блокноте она написала: «Документ обещан. Кто обещал — не назван. Место выбрано не Лидией». За каждым пунктом стоял вопрос, и ни на один из них нельзя было ответить только страхом. Она впервые почувствовала, сколько труда требует отказ от удобного обвинения.

Вера поехала в городское управление инфраструктуры. У входа висели фотографии открытия новой набережной. На каждой второй был Павел Белов: крепкий мужчина с широким лбом, в неизменном тёмно-синем пиджаке. На одной он держал ребёнка на руках; на другой пожимал руку пожилой женщине. Под снимками стояла надпись: «Дела важнее слов».

Белов вышел к Вере сам. Похоже, её фамилия подействовала лучше любого пропуска.

Белов назвал давнюю аварию болезненной темой, вокруг которой, по его мнению, за двадцать лет возникло слишком много легенд. Вера услышала в этом желание закрыть неудобный разговор, но не стала приписывать ему знание о найденных письмах.

Оставшись в приёмной управления, Вера изучила стенд, посвящённый восстановлению Староречья. На чёрно-белом снимке Белов стоял по колено в воде, передавая по цепочке мешки с песком. Снимок был настоящим — фамилия фотографа и дата указаны на обороте публикации. Неизвестный преступник ещё не имел лица, и Вера не хотела заранее превращать полезные поступки Белова в притворство. Человек мог действительно помогать городу после бедствия и при этом скрывать, какую роль сыграл до него. Такая мысль вызывала больше тревоги, чем привычное предположение о злодее, которому всё время было выгодно зло.

Он предложил служебную машину, чтобы отвезти Веру домой. Она отказалась. В коридоре её обогнал сотрудник в рабочей куртке. На манжете виднелась оранжевая пыль — яркая, как ржавчина. Вера запомнила её без всякой мысли: профессиональная привычка замечать случайное.

Прежде чем уйти из управления, Вера задержалась у стенда общественных проектов. Среди аккуратных планов будущих дорожек был чертёж демонтажа старой насосной станции. На нём три помещения были обозначены одинаковой серой заливкой как «неиспользуемые». Вера присмотрелась: один из серых прямоугольников совпадал с комнатой, которую мать выделила красным карандашом на старой карте.

Соседка сообщила, что после утренней поездки Лидия вернулась домой. Ближе к вечеру понедельника Лидия подтвердила: встреча назначена на завтра у старого бассейна. Кирилл получил от Веры адрес и время, предложил Лидии подать официальное заявление и предупредил об опасности. Но без её согласия он не мог держать женщину под постоянным наблюдением или запретить ей идти. Веру он попросил не входить в закрытый корпус. Ни адрес, ни предупреждение сами по себе ещё не гарантировали безопасности.

Позднее Вера снова остановилась у ограды, откуда виднелся край бассейна. Вид голубой плитки вызвал неожиданную сцену детства: Лиза стучит ладонью по воде и требует научить её плавать, а Лидия смеётся и говорит, что всему своё время. Рабочие не разрешили Вере пройти внутрь закрытого здания. На дорожке снаружи сохранились следы шин; определить, когда они появились, без проверки было невозможно.

У края наружной дорожки лежала ветка рябины. Возможно, её принёс ветер. Вера заметила на мокрой земле два разных рисунка подошв, но не могла сказать, кому они принадлежали и когда были оставлены. Она сфотографировала следы.

Вера отошла, как просил Кирилл. Под голыми деревьями телефон завибрировал от сообщения с незнакомого номера: «Не заставляйте Лидию повторять прошлое». Она показала экран приехавшему Кириллу. Он попросил сохранить сообщение и впервые не попытался её успокоить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.